

Покуда ученики один за другим входили в экзаменационные врата, Чжу Цинчэнь уже готовился покинуть городскую стену вслед за Государем. Теперь он знал наверняка: Император привел его сюда вовсе не по доброте душевной, а ради проверки.

Спускаясь по ступеням вслед за Ли Юэ, юноша задумчиво созерцал его широкую спину. Судя по всему, единственным человеком, которого всерьез опасался монарх, был князь Цзин. Государь не желал, чтобы тот прознал о его привычке лично просматривать доклады и о том, что он досконально разбирается в государственных делах. Ли Юэ держал под надзором всё окружение князя — даже Пэй Сюаня, простого студента, Император не обошел вниманием.

«Чуть не попался, — мысленно обратился Чжу Цинчэнь к Системе. — Еще бы немного, и меня бы схватили».

[Всё благодаря мне! — самодовольно отозвалась Система. — Это я бросилась тебя спасать]

«... — Чжу Цинчэнь на мгновение лишился дара речи. — Да ну? Ты всего лишь светящийся шар. И вместо того чтобы как-то помешать ему, ты просто прыгнула и наступила мне на руку. Отчего же ты на него не наступила?»

[Он же меня не чувствует! — резонно возразила Система. — Он меня даже не видит, как бы я на него наступила?]

«... — юноша снова замялся. — И поэтому ты решила со всей силы наступить на меня?»

[Я хотела, чтобы тебе стало больно и ты поскорее отпустил руку]

«Так это он меня схватил, а не я его! Как бы я её отпустил?»

Система на мгновение замолкла, а затем внезапно произнесла:

[Я снова почувяла ту странную ауру, как и в прошлый раз]

Чжу Цинчэнь обернулся, но не заметил ничего необычного.

«Не пытайся сменить тему. Мы сейчас обсуждаем то, как ты меня топтала».

[Я не... — Система наткнулась на суровый взгляд подопечного. — Ладно, признаю. Прости, я была неправа]

Наставник лишь коротко фыркнул и, отвернувшись, продолжил путь вслед за Императором.

Пока ученики три дня и три ночи корпели над листами в экзаменационных кельях, Чжу Цинчэнь наслаждался покоем: вкусно ел, гадал на удачу и изредка прогуливался по саду в компании старых ученых.

— Тот ученик у Старины Сюя всегда подавал надежды, в этот раз точно не подведет, — вел неспешную беседу один из ученых-чиновников.

— Да что там мой, вот Старина Гао в этом году первым воскурил благовония в храме.

— А у Старины Мэна? У его ученика — настоящий талант, далеко пойдет.

Старцы обменивались любезностями, рассыпаясь в похвалах чужим подопечным, но Чжу Цинчэнь, шествовавший следом, лишь вздыхал.

«Все же до смерти хочется, чтобы именно их воспитанник стал первым эрудитом-чжуаньюанем, а вслух ни за что не признаются. Сами нахваливают других, чтобы те в ответ хвалили их. И эти люди называют себя книжниками? Какое лицемерие».

В этот момент старики разом обернулись к нему.

— А ведь и у нашего Сяо Чжу ребята славные. Тот Пэй Сюань или Лю Ань из клана Лю... Глядишь, и впрямь кто-то из них в списки попадет. Звезды-близнецы Юньяня!

Наставник Чжу тут же замахал руками, нацепив на лицо самую кроткую улыбку:

— Что вы, что вы! Они же совсем бестолковые. Глупыши, простофили... Куда им до ваших. Они даже глупее меня!

«Чжу Цинчэнь, ну ты и лицемер!» — ехидно шепнула Система.

Ученые мужи степенно закивали, даже не помыслив вежливо возразить. Напротив, они подхватили его слова:

— Ну, раз ты и сам говоришь, что они глупее тебя... Что ж, жаль, конечно. Но ничего, в другой раз повезет.

«...»

Чжу Цинчэнь осекся и обиженно поджал губы. Почему с ним эти правила приличия никогда не работают как надо?

Три дня спустя, едва весенние экзамены подошли к концу, экзаменаторы немедля собрали работы и доставили их во дворец. Имена студентов заклеили плотной красной бумагой, после чего свитки передали в Павильон хранения книг. Наставнику пришлось вместе со старшими коллегами засесть за проверку.

Каждую работу должен был просмотреть и оценить как минимум один судья, оставив свои пометки. Если возникали споры, решение принималось на общем совете. Свитков было великое множество; юноша несколько ночей провел при свечах, пока наконец последняя работа не была оценена.

После этого другая группа чиновников занялась распределением мест. Чжу Цинчэня к этому делу не допустили, и ему оставалось лишь смиренно ждать. Так в заботах пролетело больше полумесяца.

В конце февраля пришло время оглашать результаты.

На рассвете, едва писцы закончили копировать списки, из управления вышли служители с алыми свитками и чанами с клейстером. Тут же чей-то зычный голос разнесся над улицей:

— Оглашают! Результаты вывешивают!

Глашатай бежал по переулкам, и в одно мгновение весь Юнъянь пробудился от сна. Студенты, жившие неподалеку, спешно покидали дома, устремляясь к заветным стенам.

Экипаж Чжу Цинчэня замер на углу улицы. По правилам ему не позволялось покидать дворец, но по особой милости Ли Юэ евноху Яну было поручено вывезти наставника в город, чтобы тот мог издали взглянуть на триумф своих учеников.

Юноша порывался выйти, но евнох мягко его придержал:

— Наставник, из кареты виднее будет. Не стоит вам в толпу соваться.

— Хорошо, — тот послушно отпрянул вглубь кареты, но, откинув занавеску, припал к окну.

Весть разлетелась со скоростью ветра. Служители еще не успели закрепить все листы, а перед ними уже бушевало море людских голов. Чжу Цинчэнь вздохнул: смотреть издали было совсем не так весело. Впрочем, он еще до рассвета украдкой заглянул в итоговые списки во дворце.

И Пэй Сюань, и Лю Ань были там, причем на весьма высоких позициях. Остальные — Сун Фэн, Сюй Жун, Чэнь Чжэн — тоже не подкачали: хоть их места были и скромнее, все они оказались в числе избранных.

Наставник подпер голову рукой, наблюдая за суетой. Когда последний лист был приклеен, в толпе показались знакомые лица.

— Прошел! Я в списках!

— Старший брат Лю, и вы прошли!

Лю Ань, заложив руки за спину, стоял посреди ликующих соучеников. На его губах играла лишь едва заметная тень улыбки; он казался незыблемым утесом среди бушующих волн чужого восторга. Глядя на их радость, Чжу Цинчэнь и сам невольно заулыбался.

Вскоре подрос и Пэй Сюань, приехавший из-за города. Затерявшись в толпе, он приподнимался на цыпочках, сясь рассмотреть фамилии. Старший товарищ мельком взглянул на него и ровным голосом произнес:

— Можешь не стараться. Ты в списке, на две строчки ниже меня.

Вокруг стоял такой невообразимый гвалт, что Пэй Сюань, кажется, ничего не услышал. Он сосредоточенно перечитал имена дважды, пока наконец не наткнулся на свое. Только тогда до него дошел смысл происходящего. Юноша с сияющим лицом обернулся к другу:

— Старший брат Лю! Я прошел! И вы тоже!

Словно восторженный щенок, Пэй Сюань принялся кружить вокруг Лю Аня. Тот лишь страдальчески вздохнул.

«Я же только что ему об этом сказал? К чему эти танцы?»

Глупый, честное слово. В такой момент Лю Аню больше всего хотелось сделать вид, что он с этим человеком не знаком.

Внезапно Пэй Сюань замер. Его взгляд остановился на карете, и он низко поклонился в ту сторону. Его товарищ, обернувшись, тоже поспешил выразить почтение. Издалека Чжу Цинчэнь весело помахал им рукой.

Как раз в это время мимо экипажа проходила маленькая девочка лет семи с корзиной цветов. Юноша высунулся из окна:

— Милая, почему отдашь все эти цветы абрикоса?

Малышка подняла на него ясные глаза:

— Если наставник заберет всё, то за десять медяков отдам.

Тот пошарил в рукаве:

— Я дам тебе двадцать. Возьми их и раздай цветы тем студентам у стены. Каждому по веточке.

— Хорошо!

Один цветок Чжу Цинчэнь оставил себе. Девочка, бережно спрятав монеты за пазуху, легко зашагала к толпе, раздавая нежные соцветия:

— Это тот господин из кареты велел передать!

Лю Ань и Пэй Сюань тоже получили по веточке. Первый задумчиво вертел цветок в пальцах, а второй тут же закрепил его у себя на груди — выглядело это на редкость ладно. Чжу Цинчэнь одарил их прощальной улыбкой; задерживаться дольше было опасно, и вскоре карета покатила обратно к дворцу.

Студенты тоже не стали долго задерживаться у списков: теперь пришло время готовиться к главному испытанию — Дворцовому экзамену.

— На днях к тебе заглянут служители, — наставлял товарища Лю Ань. — Привезут одеяние, в котором ты предстанешь перед Государем. Заранее его выстирай и хорошенько просуши. А как высохнет — сложи аккуратно и убери на самое дно сундука, чтобы ни единой складки не осталось. И не вздумай явиться в мятом. Если хочешь, загляни в лавку благовоний на западе города, прикупи пару мешочков с травами и положи в сундук. Только не переборщи, а то запах будет такой, что соседи по залу задохнутся.

Пэй Сюань внимал каждому слову с величайшим почтением. Пока учитель был во дворце, Лю Ань заменял ему наставника.

— В день Дворцового экзамена придется явиться затемно, — продолжал он. — Если боишься проспять или опоздать из-за города, перебирайся в мое поместье. А если уверен в себе — можешь просто встать пораньше.

— Учитель перед уходом тоже советовал мне пожить в его резиденции, — заметил Пэй Сюань.

— Решай сам: ко мне или к Наставнику Чжу. Как надумаешь, пришли весточку.

— Слушаюсь.

— Теперь возвращайся к книгам, — Лю Ань уже собирался уходить.

Пэй Сюань неловко прижал руку к рукаву:

— Старший брат Лю, сегодня такой день... Позвольте мне пригласить вас на обед в Башню созерцания прилива? Я так благодарен вам за всё, что вы для меня сделали в эти дни.

Собеседник нахмурился и смерил его строгим взглядом:

— Если у тебя завелись лишние деньги, лучше сними на них комнату в приличном постоялом дворе. К тому же Дворцовый экзамен на носу, а ты собрался тратить время на пустые застолья? Возвращайся к учению.

Юноша послушно склонил голову:

— Да, брат.

Лю Ань сел в карету, и Пэй Сюань тоже собрался было идти восвояси. Внезапно путь ему преградил всадник — то был князь Цзин. Завидев студента, он вскинул хлыст в приветственном жесте:

— Пэй Сюань, поздравляю с успехом.

Тот отступил на шаг и вежливо поклонился:

— Благодарю вас, Ваше Высочество.

Князь улыбнулся:

— Я ведь обещал: если сдашь, то на то самое золото я приглашу тебя в Башню созерцания прилива. Ну что, найдешь для меня время?

Лицо Пэй Сюаня выражало крайнее нежелание, но он не знал, как вежливо отказать вельможе. Ведь он ничего не обещал князю Цзину — тот сам навязал ему это золото.

В этот момент карета семьи Лю, развернувшись в конце улицы, снова притормозила перед

ними. Лю Ань откинул занавеску и бросил коротко:

— Пэй Сюань, ты же обещал угостить меня обедом в Башню созерцания прилива? Чего застыл, лезь в карету.

— Да! Иду!

Лю Ань взглянул на князя и одарил его холодной улыбкой:

— Прошу простить, Ваше Высочество. Этот малый сам напросился меня угощать, не хотелось бы, чтобы он сбежал от своего обещания.

Лицо Фу Вэньчжоу пошло пятнами от едва сдерживаемого гнева, но, опасаясь связываться с влиятельным кланом Лю, он промолчал. Пэй Сюань быстро юркнул в экипаж, Лю Ань отвесил князю формальный поклон, и карета покатила прочь.

Оказавшись внутри, старший ученик снова принял свой обычный бесстрастный вид.

— Сейчас всё должно быть подчинено Дворцовому экзамену. Будь осторожнее.

— Я знаю, — кивнул Пэй Сюань. — Учитель велел мне укреплять тело, и я тренируюсь каждый день. Если князь решит меня похитить, я троих уложу.

В его голосе звучала непоколебимая уверенность. Собеседник лишь прижал ладонь ко лбу, привалившись к стенке кареты. Младший осторожно поинтересовался:

— Брат Лю, я снова заставил вашу голову болеть?

— Теперь мне придется платить за обед, на который я напросился, и я потерял еще полчаса, предназначенных для чтения. Пэй Сюань, ну ты и хитрец.

«Это не я... я не хотел... Брат Лю, я же не виноват!»

Тем временем Чжу Цинчэнь уже вернулся во дворец. Он закрепил розовый цветок абрикоса в своем высоком головном уборе и теперь, словно неваляшка, вертелся перед евноухом Яном, отчего соцветие смешно подпрыгивало в такт его движениям.

— Почтенный Ян, ну как? Красиво?

Евнух не смог сдержать улыбки:

— Очень красиво, наставник.

— Видимо, мои молитвы бодхисаттве Манджушри не прошли даром. Нужно будет продолжить,
— Чжу Цинчэнь с гордостью пояснил: — Те двое — мои лучшие ученики. Вся надежда на них: пусть хоть один принесет мне звание чжуаньюаня.

Ян продолжал посмеиваться:

— Гордыня — не лучший спутник ученого.

Юноша упер руки в бока:

— Ничего страшного, сейчас можно и погордиться. Перед вами-то можно, это перед старыми наставниками нельзя — они страсть какие завистливые, всё твердят, что я простофиля.

Евнух посмотрел на него со сложным выражением:

— Если они завистливые, то и вы, наставник, не слишком-то скромны.

— Это как у вас с молодыми евнухами: перед своими-то вы наверняка хвастаетесь успехами подопечных, а перед другими главными евнухами помалкиваете.

— В этом есть доля истины, — признал Ян.

Погода становилась всё теплее, занавески в карете были свернуты. Так они и ехали через длинные дворцовые аллеи. Чжу Цинчэнь, вернувшись в свои покои, и не подозревал, что его затея с цветком в волосах мгновенно стала последним криком моды в Юньане.

В день оглашения списков каждый студент, нашедший свое имя в числе счастливицов, спешил украсить прическу веточкой абрикоса — на удачу и в подражание наставнику Чжу.

<http://bllate.org/book/15820/1427699>